

АНЕКДОТ СМЫКАЕТСЯ С ТРАГЕДИЕЙ

Недавно состоялись литературные концерты лауреата Всероссийского конкурса артистов-чтецов Игоря Орлова. В программе его выступлений — «Дядюшкин сон» Ф. М. Достоевского. Подготовлена эта программа совместно с режиссером народным артистом СССР А. П. Кторовым.

Думается, ими избран правильный путь прочтения Ф. Достоевского. Идя от текста, проникая с его помощью в образ мышления автора, артист подчиняет этот текст себе, своей индивидуальности. Поэтому так удаются ему переходы от интимно-доверительной интонации к интонации драматической, напряженной.

Ограниченны выразительные средства чтеца: ни партнеров,

ни декораций. А сколько характеров нужно создать! Впрочем, таких, о которых у многих сидящих в зале есть уже свое сложившееся представление.

Умело используя позу, выразительный конкретный жест, мимику, артист добивается убедительности создаваемых характеров.

Словно отраженные в старинном зеркале, проходят перед нами герои повести.

Вот хоровод мордасовских дам: они дружно шипят и укусно улыбаются. И столько в них неистребимой потребности сунуть нос в чужие дела за неимением собственных, оборотить все на свой лад, а главное, не допустить, чтобы чьи-нибудь ум, удача или даже

страдания были выше их общемордасовского уровня! Первая среди них — энергичнейшая Мария Александровна Москалева. И пусть сорвались ее планы, ведь и у Наполеона было Ватерлоо...

Ненадолго появляется привезенный откуда-то из Подмордасья ее муж — распустеха и байбак. В этом сонливом и апатичном человеке артист почувствовал и передал в голосе глухую тоску его. Эта тема провинциального, затхлого, душевного, уютного и провинциальной безысходной тоски еще не раз прозвучит в интонациях чтеца.

А вот врывается в гостиную Карпухина — старая сплетница, у которой сплетня сдела-

лась манией, неутоленной страстью — нашипеть, нашептывать, насладиться произведенным впечатлением и тут же умчаться к другим плести новые липкие тенета сплетен. Ее переполняет зависть, злоба, мстительность. Страшны такие Карпухины своей ненавистью к людям. И артист подчеркивает это.

Совсем не тот размах у Павла Александровича Мозглякова — этого пустейшего молодого человека с мелкой любовью и мелкой ненавистью. Таким предстает он перед нами в чтении И. Орлова.

Запоминается психологический и зрительный образ князя К., созданный артистом. Им удачно найдено ощущение одряхлевшего человека, посту-

пающего интуитивно и слепо, составленного из несогласованных частей тела, рук, ног, действующих отдельно и независимо друг от друга. Язык у него заплетается, растягивая и повторяя слова, мыслишки крутятся вокруг пустяков: механизм мысли, механизм речи сработался окончательно. Но при этом в неуверенных интонациях его речи есть что-то изящное, «французское», легкомысленное.

Артист, раскрыв перед нами человеческое в бесчеловечном и трагическое в обыденном, заставил жить зал в унисон со своими чувствами и мыслями.

А это уже успех.

И. ГАЛКИНА.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕРЬ
г. ПЕРМЬ

13 АПР 1974